

РИНА ВЕРГИНА

ПАПА ДЛЯ ДРАКОНЧИКА

Рина Вергина

Папа для дракончика

<https://litres.ru/74204188>

Аннотация

Я приехала к сестре и застала её при смерти. В нищете. С плачущим младенцем в корзине. Перед смертью она взяла с меня клятву - найти отца её сына. Вот только отец - Лейстер АйтВаундер, дракон из высшего рода, который даже не подозревает, что у него есть ребёнок. И теперь я стою перед неприступными воротами замка, прижимая к груди сына дракона.

Только нужен ли он отцу... Или нас обоих ждёт изгнание?

В тексте есть:

Нежная, но решительная героиня

Постепенное развитие чувств

Неожиданный поворот сюжета

Легкая история с обязательным ХЭ

Книга участвует в литмобе Морозная любовь

Содержание

1	4
2	10
3	14
4	19
5	24
6	29
7	35
8	42
9	47
10	52
11	58
12	63
13	68
14	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

1

Плач ребенка оглушил меня, едва я переступила порог ка-морки. После свежего морозного воздуха улицы смрадный запах комнаты сбивал с ног.

— Ильма!

Я бросилась к кровати, на которой под серым застиранным одеялом лежала девушка. Темные пряди беспорядочно разметались по подушке.

— Ильма! Что с тобой?

Услышав мой голос, ребенок заголосил еще сильнее. Он лежал в большой плетеной корзине у самой кровати.

Я разрывалась между ребенком и неподвижно лежащей девушкой. В конце концов взяла ребенка на руки, ощущая, насколько влажна пеленка, в которую он был закутан.

— Тише, маленький, — я покачала его, прижав к груди. Беспомощно оглянулась, ища, во что бы можно переодеть малыша. Но в комнатке царил бардак. Вещи были вывалены из комода и лежали на полу бесформенной кучей. К тому же малыш явно был голоден. Стоило мне прижать его к груди, как он сразу призывно зачмокал розовыми губками.

— Только не плачь, — попросила я его, — позволь мне осмотреть твою мамочку.

Осторожно положила ребенка рядом с Ильмой. Провела рукой по ее лицу, убирая волосы.

Кожа — огненная, словно под ней развели огонь. Сухие потрескавшиеся губы.

— Ильма, сестренка, что с тобой?

Я затормошила ее, пытаюсь привести в чувство. Нужен лекарь. Но где я найду его в такой час? Я впервые в этом городе. Несколько минут назад сошла с дилижанса и кое-как разыскала дом, в котором Ильма снимала крохотную комнатку.

Сестра застонала и слегка приоткрыла глаза.

— Дора... как ты здесь?

— Мне пришло письмо. В нем твой новый адрес и просьба срочно приехать. И, как видишь, я сразу к тебе.

Я попыталась улыбнуться, но от вида изможденного лица сестры на глаза наворачивались слезы.

— Ты уже познакомилась с Крисом? — Ильма дернула уголками губ в попытке улыбнуться.

— Почему ты мне ничего не сообщила?

— Я хотела... стыдно было.

Стыдно?

Я вдруг поняла, чего мне не хватало в этой мозаике. Мужских вещей. Хоть чего-либо, говорящего о присутствии мужчины в доме. Но ведь Ильма писала, что у нее есть жених. И скоро свадьба. А потом пропала на долгие месяцы.

— Он бросил тебя? — спросила я, слегка покачивая рукой Криса, начинавшего хныкать.

— Он обещал... вернуться, — Ильма хрипло закашлялась.

— Тебе надо выпить горячей воды. Крис хочет кушать. И переодеть его. Боги, Ильма, что мне делать?

— Сходи к старухе Эби. Она даст молока, — прохрипела Ильма.

Я нервно кусала губы, чтобы не скатиться в тихую истерику. Выбежала из комнатки и постучала в соседнюю дверь. Она открылась со скрипом через целую вечность. На пороге — неряшливая женщина с неприятным лицом.

— Мне нужна... Эби, — прошептала я, оглушенная ее неприязненным взглядом.

— Она выше на этаж. А ты кто такая? Подружка той шлюхи, что живет за стенкой? Если ее выродок не уgomонится, я пожалуюсь господину Юлиусу.

— Зачем вы так? — воскликнула я. — И моя сестра никакая не шлюха.

— Поговори у меня. А где папаша тогда? Ясень день, что сбежал.

— Он вернется! Вот увидите! И вам будет стыдно за свои слова, — выпалила я на эмоциях.

Не слушая эту злыдню, побежала по щербатой лестнице на этаж выше. Две двери. Позвонила в ближайшую. Считала до десяти, сжав пальцы в кулаки. Ожидание казалось невыносимым.

Но вот на одиннадцати услышались шаркающие шаги, и дверь открылась.

— Эби? — спросила я, не скрывая облегчения в голосе.

Потому что пожилая женщина с добрым взглядом мне понравилась. И я до безумия надеялась на ее помощь. — Мне нужно молоко, ради всего святого! Моя сестра, она больна, а ребёнок...

— Успокойся, дитя, — мягко сказала она. — Сейчас налью.

Она скрылась в глубине комнаты. Я облокотилась о косяк, закрыв глаза. Спустя мгновение Эби вернулась с глиняной кружкой.

— Держи. Ей что, хуже?

— Горит вся... и кашляет...

— Беда, — покачала головой старуха. — Смотри за ней. Такая хворь... многих забрала.

От её слов стало холодно внутри. Я бросилась вниз, стараясь не расплескать молоко.

— Тише, солнышко, тише... Сейчас всё будет, — приговаривала я, роясь в куче тряпья. Нашла детский рожок, старую, но чистую пелёнку и глиняную бутылочку с закисшими остатками молока.

Сполоснула рожок в умывальнике и налила молока. Но прежде перепеленала малыша в сухую пеленку. Он замолк, причмокивая рожок, лишь жадные глотки нарушали тишину.

Пока он затих, я коснулась руки Ильмы. Она слабо вздохнула.

— Дора... обещай мне...

— Все что угодно, Ильма, — прошептала я.

— Найди отца Криса. Он должен узнать...

— И узнает. Но только от тебя.

Сестру опять скрутил приступ кашля. А после она повторила, тяжело дыша:

— Поклянись, что найдешь Лейстера. Скажешь ему про сына. Клянись!

— Клянусь, — машинально ответила я, сжимая ее тонкие пальцы.

— Клянись памятью наших родителей...

— Зачем ты так, Ильма. Скоро ты встанешь на ноги, и сама...

— Не встану. Это моя последняя просьба.

От этих слов в горле встал ком. Слезы потекли сами.

— Клянусь. Но я сделаю всё, чтобы ты выздоровела.

— Там... — Ильма показала на комод, — сверху письмо.

Прочти.

Крис наелся и стал клевать носом. Я положила его на кровать и подошла к комоду.

Бумага была невероятно тонкой, гладкой, дорогой — такой я не видела никогда. На ней — четыре слова, выведенные уверенным, размашистым почерком:

«Я вернусь за тобой»

И подпись:

Лейстер АикВаундер.

Я несколько раз повторила его имя. Оно было мне зна-

комо, как и всем в нашем королевстве. АйкВаундеры были высшим родом Ларгоса.

А это значит, что Лейстер был Драконом.

Я с некоторым ужасом вглядываюсь в величественный особняк, выглядывающий из-за прутьев ограды. Всё же идея явиться сюда была бредовой. Меня запросто вытолкнут взащей и слушать не будут.

Но я должна попытаться. В память о сестре.

Она умерла на следующий день после моего приезда. Тихо угасла на моих руках. На организацию скромных похорон ушли почти все мои скудные средства. И не успели могильщики увезти тело сестры, как порог её каморки переступил жирный боров. По-другому и не скажешь, глядя на лоснящееся от жира и самодовольства лицо мужчины.

— Ты кто такая?

— Сестра Ильмы, — ответила тихо, стараясь не разбудить дремлющего на моих руках Криса.

— Ильма должна мне за два месяца. Восемь... нет, десять луидоров. И если ты мне сейчас их не отдашь, то можешь выметаться отсюда вместе с её ублюдком.

Я крепче прижала Криса к груди.

— Не думаю, что эта комнатка стоит таких денег. Вы пытаетесь меня обмануть.

— Поговори у меня тут! Не нравится... выметайся прямо сейчас.

— Но куда я пойду? В ночь с ребёнком на руках.

— Думаешь, мне есть до этого дело? Плати или выметайся.

Боров омерзительно хмыкнул, скрестив на груди руки. С довольной усмешкой следил за замешательством на моём лице.

— Если я вам заплачу, то у меня совсем ничего не останется.

— Ну... мы можем договориться, — сально блеснул глазами боров, — и можешь оставаться жить дальше. Сколько угодно.

— О чём... договориться? — я нервно сглотнула, отступая на шаг. Зашарила глазами по комоду позади себя в поисках подходящего оружия. Хотя что я смогу сделать с ребёнком на руках?

— Ну как же... дашь мне немного приласкать себя. Какая ты хорошенькая. Чистенькая. Не то, что твоя сестра потаскуха.

— Убирайтесь! — воскликнула я, — иначе я буду кричать!

Боров не шевельнулся. Только сальная ухмылка поползла по его лицу.

— Кричи. Кому ты нужна в этих стенах?

От этих слов стало физически тошно. Его глаза скользнули по моей фигуре, и в них вспыхнула та же гнусная уверенность. Он сделал шаг вперёд.

И тогда Крис, будто почувствовав угрозу, резко заплакал.

Пронзительно и требовательно.

Боров поморщился, будто у него заболели зубы.

— Заткни своего выродка.

— Он не выродок! — вырвалось у меня с неожиданной силой. Я заслонила ребёнка всем телом. — И вы сейчас же уйдёте. Иначе я скажу Лейстеру АйкВаундеру, что вы обобрали мать его сына и вышвырнули его наследника на улицу.

Имя подействовало как удар хлыстом.

— Что ты несёшь? Такая же лгунья, как и твоя сестра. Нет денег, тогда возьму то, что есть ценного.

Он собрал в охапку всё, что могло стоить хоть грош: несколько платьев, потускневшее зеркальце в рамке, пару тонких книг. Всё, что оставалось от сестры.

— Чтобы завтра твоей ноги здесь не было, — бросил он на прощанье, грузно переваливаясь через порог.

Дверь захлопнулась. Я опустилась на край кровати, дрожа от ярости и унижения. Крис понемногу успокоился, уткнувшись мокрым носиком мне в шею.

Я собрала то немного, что он счёл ненужным. Нижнюю сорочку, шаль и перчатки. Гребень для волос. Не хотела оставлять ему даже этого. Отнесла свёрток старушке Эби наверх.

— Возьмите, — сказала я, суя ей в руки свёрток и медную монету. — И, если можно... ещё молока. На дорогу.

Старуха посмотрела на меня понимающими, печальными глазами, покачала головой, но взяла монету. Вернулась с

полной крынкой.

Я покормила Криса досыта, а остатки молока налила в бутылочку, бережно закупорив. Наутро мы сели в дилижанс, идущий к северной границе. В родовое гнездо АйтВаундеров.

Мысль явиться в дом АйтВаундеров кажется абсурдной и пугающей. Но Крису нужна семья. Отец. Мне нечего ему дать. Только свою любовь. Но это такая малость по сравнению с тем богатством и знатностью, что его ждёт.

— Надеюсь, мы встретим твоего папочку, — шептала я Крису, пока дилижанс трясся по мостовой.

А тот гугукал в ответ и смотрел на меня доверчивыми глазенками.

Когда дилижанс подъезжает к городу, я выглядываю в окно. Вижу чуть в отдалении башни величественного строения.

— Что это? — невольно спрашиваю я у пожилой женщины, сидевшей рядом и всю дорогу угощавшей Криса сушкой.

— Так это, милочка, родовое гнездо Айкаундеров, — отвечает она.

Я не отрываю от него взгляда. Замок открывается во всей своей красе по мере нашего приближения: высокие стены, узкие стрельчатые окна, тяжёлые, наглухо закрытые ворота.

«Неужели это его новый дом?» — проносится в голове, и я крепче прижимаю к себе спящего Криса.

Дилижанс останавливается на шумной торговой площади внизу. Я схожу на мостовую, ошеломлённая гомоном и грязным рыхлым снегом под ногами. Всего сутки в дороге, а погода кардинально поменялась: из ласковой осени я попала в колючую зиму. Теснее прижимаю к себе Криса, опасаясь, как бы он не замёрз.

Оглядываюсь. Что делать дальше? Идти в замок сейчас? А если меня не примут, выставят, не дав и слова сказать?

Вечерело. Нужно думать о ночлеге.

Я оборачиваюсь к той самой женщине, с которой провела рядом весь путь. Она показалась мне доброй — и, самое

главное, не лезла с докучливыми расспросами.

— Простите за беспокойство... Не подскажете, где здесь можно недорого остановиться? На ночь.

Она скептически осматривает мой дешёвый и тонкий не по погоде плащик. Взгляд задерживается на лице, а затем — на крошечном личике Криса, безмятежно спящего на моих руках.

— Остановиться? — переспрашивает она, нахмурившись. — Всё дорого тут, милочка. Торговый день, постоянные дворы забиты. Да и с дитяtkом... — Она помедлила, словно взвешивая что-то. — Знаешь что? Пойдём ко мне. Живу я недалеко, одна. Комнатка есть свободная. Заплатишь, сколько сможешь. По хозяйству поможешь. А уж ребёночка накормлю и обогрею. Вижу, ты совсем одна, а сынок у тебя тихий, славный.

Я не стала её разубеждать. Пусть сын. Мне не хотелось вдаваться в подробности. К тому же я была готова, что АйкВаундеры не признают ребёнка и Крис по праву станет моим сыном. Но я дала клятву, поэтому должна была хотя бы сделать попытку найти его отца.

После слов женщины облегчение накатывает на меня волной. Я готова расплакаться.

— Я не знаю, как вас благодарить, лэра.

— Ой, да какая я лэра, простая торговка пирожками. Зови меня тетушка Джен.

— Спасибо, тетушка Джен, — шмыгаю носом, который

начал замерзать на холодном ветру.

Тетушка Джен приводит нас в небольшой домик на окраине улицы. Уютно пахнет выпечкой. Комнатка оказывается крохотной — под самой крышей. Кроме узкой кровати и стола больше ничего и нет. Но за стеной находится печная труба, и от неё в комнатке тепло. Тетушка Джен приносит старую, но целую колыбельку для Криса, а также подушки и одеяла.

— Пойдём, покормлю вас. Голодные, поди.

Мой живот жалобно заурчал в ответ на её слова, а Крис тут же разразился душераздирающим рёвом.

Тетушка Джен накладывает нам по тарелке молочной каши. Я дую, прежде чем сунуть Крису ложку в рот.

— Ты по делам приехала? — спрашивает меня тетушка Джен.

— Мне нужно найти родственника, — уклончиво отвечаю я. — Так что я здесь долго не задержусь.

— А кто он, твой родственник?

— Он... служит в замке, — прикусываю губу. Мне совсем не хочется обманывать добрую женщину. Но сказать, что отец Криса — один из АйкВаундеров, у меня язык не поворачивается. Мне и самой в это трудно поверить. Скорее я склоняюсь к мысли, что мою сестру обманули, жестоко пошутили.

Если бы не одно «но»...

Чуть больше года назад Ильма прислала письмо. Хваста-

лась, что устроилась горничной в одно знатное семейство. А через пару месяцев — ещё одно: о том, что у неё появился жених. И что она безумно счастлива.

Утром я поручаю Криса заботам тетушки Джен и иду в замок.

Дорога в гору кажется бесконечной. Чем ближе я подхожу, тем больше особняк подавляет. Кованые ворота огромные, чёрные, с вычеканенным знаком — стилизованной драконьей чешуёй. Они закрыты.

Я застываю перед ними, чувствуя себя букашкой.

На поясе у ворот висит тяжёлый молоток-колотушка. Я сжимаю его рукоять ледяными пальцами и ударяю. Глухой, властный звук разносится в утренней тишине, эхом отзываясь где-то за стенами.

Проходит минута. Другая. Я уже думаю, что звук никто не услышал или проигнорировал, как в стене рядом с воротами бесшумно открывается глазок, а затем — маленькая калитка. Из неё выходит стражник в тёмной униформе с тем же чешуйчатым знаком на нагруднике.

— Что нужно? — совсем неучтиво спрашивает он.

Горло пересыхает. Я сглатываю.

— Мне нужно видеть Лейстера Айкаундера.

Дорогие читатели!

Рада приветствовать вас в своей новинке!

Будет легко и романтично. Если вам нравится исто-

рия, поддержите ее звездочкой. Добавьте в библиотеку, чтобы не потеряться.

Поехали))

— Убирайся отсюда, попрошайка! — рявкает страж.

— Я никакая не попрошайка! Я по важному делу! — луплю кулаком в закрытую калитку.

— Знаешь, сколько таких... по важному делу, — хмыкает страж.

Я упрямо прикусываю губу. Никто не говорил, что будет легко. Но сдаваться я не намерена. Лейстер должен узнать о том, что у него есть сын. Илья была уверена, что он вернётся. Значит, любила. И он любил.

Или я просто наивная дуручка, которая верит в сказки. Что совсем не исключено.

— Я не уйду. Буду ждать, сколько потребуется! — кричу в прутья решётки. Заглядываю внутрь. Впереди — подъездная аллея, ведущая к особняку. По бокам — аккуратно подстриженные кусты. Сам особняк выглядит мрачным и пустым. Хотя мне мерещится, что за одним из окон колеблется занавеска. Словно за мной подглядывают.

«Вымерли там все, что ли?» — мелькает мысль.

— Лейстер дома? Могу я хотя бы это узнать? — требую я, потому что ноги начинают мёрзнуть в моих ботиночках на тонкой подошве. Заболеть как-то совсем не хочется.

— Детка, зачем тебе Лейстер?

Я резко оборачиваюсь. Позади меня — довольно милая

пожилая женщина. На ней тёплый плащ с меховой опушкой. В руках — небольшая корзинка, накрытая салфеткой.

— Вы работаете здесь? — обрадованно спрашиваю я. — Не подскажите, как я могу увидеть лорда Лейстера? Мне очень, очень нужно.

Сминаю замёрзшие пальцы между собой, прячу руки в рукава. Нетерпеливо притоптываю ногами.

— Да ты совсем окоченела. Давно ждёшь?

— Давно, — горестно вздыхаю я. — А эти... ничего толкового сказать не могут. Если уж нет Лейстера в особняке, я бы давно ушла. Пришла бы завтра. У меня... ребёнок дома.

— Ребёнок? — женщина приподнимает изящные брови.

— Сын Лейстера, — шепчу я. — Он ещё совсем младенец. Я должна рассказать ему об этом.

— Интересно... — тянет женщина. — Только хочу тебя огорчить, детка. Лейстера сейчас нет в городе.

Я огорчённо кусаю губы. Всё внутри сжимается. Гоняться за призрачным драконом по всему королевству я не могу. У меня нет на это ни средств, ни сил.

— А когда он появится? — я с надеждой вскидываю взгляд.

Женщина тонко усмехается, из-за чего образуются лучики морщинок вокруг глаз.

— Это может знать только Лейстер. Возможно — завтра. Или через месяц.

Я расстроено шмыгаю носом, чувствуя, как надежда тает

так же быстро, как снежинки на моей щеке.

— Я не отступлю. Буду приходить каждый день, пока не увижу его.

— Так любишь его? Или просто хочешь сбить с рук ребёнка? — шуруется женщина.

— Крис должен знать своего отца. И да — люблю, — отчаянно лгу, потому что мне это кажется более весомым аргументом. Если бы здесь была Ильма, она ответила бы так же.

К тому же влюблённым все сочувствуют, не так ли?

— Иди домой, — говорит женщина. — Простудишься ещё.

— Можно я буду спрашивать у вас новости? Не хочу больше иметь дело с этими... — киваю в сторону безразличного стража. — Позвольте узнать ваше имя?

Женщина замирает, бросая на меня странный взгляд.

— Аделаида, — царственно произносит она своё имя.

— Спасибо, Аделаида, — шепчу замёрзшими губами. Срываюсь с места, потому что больше нет сил стоять на колючем ветру.

Возвращаюсь я к тётушке Джен с чувством полной растерянности. Нужно искать работу, если я хочу дождаться Лейстера.

Но так и подмывает плюнуть на всё, сесть в первый попавшийся дилижанс и уехать. Куда глаза глядят. Взять Криса и начать жизнь с чистого листа.

Я делюсь своими терзаниями с тётушкой Джен за вечер-

ней кружкой травяного чая. Умалчиваю про Лейстера, просто говорю, что ищу отца Криса. И что он работает в замке.

— Можешь остаться у меня, милочка, — сказала она просто. — Я как раз помощницу искала. Торговать мне одной на площади уже тяжело. Счёт знаешь как вести?

— И письмо тоже, — живо откликнулась я, почувствовав первую за долгое время искорку надежды. — Я закончила женский пансион. Вернее... почти закончила.

Я умолчала, что с последнего курса меня забрали родители. Не смогли оплатить обучение. Не стала говорить, что отец крупно проигрался в карты, лишив дочерей и приданого, и будущего. Мама не выдержала позора и слегла. После её смерти мне с трудом удалось устроиться компаньонкой к одной пожилой леди.

Работа была простая — сопровождать её повсюду и читать перед сном любовные романы. Денег платили мало — вычитали за стол и платье. Но и этой работы пришлось лишиться. Муж леди положил на меня глаз. А ей это, понятное дело, не понравилось. Я как раз искала новое место, когда пришло то самое, роковое письмо от соседки Ильмы.

И вот теперь я здесь. В чужом холодном городе. С ребёнком дракона на руках.

Дорогие читатели!

Книга участвует в литмобе **“Морозная любовь” 16+**
<https://litnet.com/shrt/b9xc>

Нолан АикВаундер

— Леди Аделаида АикВаундер, вы сегодня непростительно долго задержались, — пеняю я бабушке, — врач рекомендовал постельный режим. А вы разгуливаете на холодном ветру как взбалмошная юная барышня.

— Негодник, ты на что намекаешь? — Она бодро отряхивает хлопья снега с рукава и треплет меня по щеке. В её взгляде я по-прежнему тот самый мальчишка, что воровал тёплые булочки с кухни прямо из-под носа повара. Хотя с тех пор минуло лет пятнадцать, если не больше.

— Я просто забочусь о твоём здоровье. А что это у тебя в корзинке? — прищуриваюсь, а нос уже улавливает аромат корицы и ванили.

— Булочки с изюмом. Ты же знаешь, как я их люблю. К тому же мне захотелось прогуляться.

— А с кем ты так долго разговаривала возле ворот?

— Ах... это...

Бабушка отдаёт булочки подоспевшей служанке и велит накрыть стол к чаю. Мы располагаемся в малой гостиной, где уже струится пар из фарфорового чайника. Бабушка усаживается в своё кресло у камина с видом полной невозмутимости.

— Даже не знаю, как сказать, Нолан, — продолжает ба-

бушка, делая глоток чая. Пододвигает ближе ко мне булочки, — ешь давай. Порадуй бабушку хорошим аппетитом. Не зря же я столько за ними топала.

— Могли бы послать слугу, — упрекаю я.

— И тогда бы пропустила много интересного. Так вот, Нолан. Возле ворот я встретила девушку. Она явно торчала возле них не один час.

Я молча кивнул. Обратил внимание из окна кабинета на тонкую, подпрыгивающую на месте, фигурку за воротами особняка.

— Что она хотела? — спросил.

— Она сказала, что у нее есть ребенок. И его отец — Лейстер. Ты понимаешь, что это значит?

— Только то, что у Лейстера есть ребенок, — хмыкаю, — Жозефина не будет в восторге от этой новости.

— Только попробуй сказать ей! Хоть кому-то! Я столько сил вложила, чтобы объединить наши кланы. Организовать помолвку. А твой беспутный брат, как всегда, все только портит!

— Успокойтесь, леди Аделаида, — попытался урезонить бабушку, — Почему вы верите первой встречной? Кто докажет, что это ребёнок Лейстера? Сам он сейчас далеко, и, полагаю, эта новость его не обрадует. Возможно, она просто авантюристка, рассчитывающая на подачку.

— Так было бы проще, — Аделаида поджала губы, — только твой брат способен наплодить бастардов. Только в те-

бе, Нолан, я вижу достойное продолжение нашего рода. Кстати, что там с Эгейскими рудниками? Ты изучил договор?

Разговор резко сворачивает на дела. Бабушка, официально передав мне бразды правления финансами нашего рода восемь лет назад, до сих пор вникает в каждую мелочь. У неё драконья хватка в прямом и переносном смысле. Без контроля над родом она, кажется, зачахнет. Я позволяю ей это, осторожно обходя острые углы, чтобы не тревожить, и с гордостью докладываю об успехах.

— Всё в порядке. Подпишем на следующей неделе.

— Молодец. Жениться тебе пора, Нолан, — её тон снова сменился, становясь нарочито лёгким, что всегда означает серьёзнейшее намерение.

Я закатываю глаза. Эти разговоры меня преследуют последние несколько лет. Но уговорить бабуле жениться удалось только Лейстера. Но и только потому, что их застали с Жозефиной в саду за пикантной сценой.

Но я - не Лейстер. Я не представляю рядом с собой женщину, к которой не испытываю ничего, кроме холодной вежливости. Насмотрелся на родителей. Их брак по расчёту был адом в позолоченной клетке. Отец искал утешения на стороне, мать сбежала, бросив нас с братом на попечение бабушки, и появилась лишь раз - на похоронах отца, чтобы соблюсти приличия. Даже имена наши перепутала, целуя в щёки ледяными губами.

Не хочу так. Поэтому лучше одному. К тому же управле-

ние родом занимает львиную часть моего времени.

— Спасибо за булочки, бабушка, — я встаю, — у меня много дел.

— Постой. Я не договорила, — произнесла приказным тоном.

Я шевельнул бровями. Обратно не сел, но и с места не сдвинулся.

— Я все думаю про ту девушку. А вдруг у нее и правда ребенок от Лейстера? Нужно проверить. Только как?

— Как? Попросить Лейстера вернуться и задать несколько неудобных вопросов?

— Не будь саркастичен. Есть родовой артефакт. Капля крови и всё станет ясно.

Родовой камень. Старинная реликвия, реагирующая на родственную кровь. Да, это сработает.

— Только сделать это тайно. Чтобы не поползли слухи. Ты найдешь надежного человека, Нолан?

В голове мгновенно прокручиваю список слуг, охранников, управляющих. Все так или иначе связаны с домом, многие болтливы. Поэтому лишь неопределенно пожимаю плечами.

— Подумаю, — говорю уклончиво.

— Сделай это, Нолан, — настаивает бабушка, — и, если это ребенок Лейстера, предложи деньги. Пусть уезжает как можно дальше отсюда. Если будет шантажировать – припугни. Ты уже не маленький, сможешь все сделать аккуратно.

— А с правнуком познакомиться не хотите? — не удерживаюсь от колкости.

Её лицо становится совершенно непроницаемым.

— Мне нужны законные внуки от Жозефины. А не бастарды от уличной попрошайки. К тому же я почти уверена, что она лжёт. Но проверить - наш долг. Так ты займёшься этим, Нолан?

— Сладкие пирожки! Вкусные! Горячие!

Голос у меня уже с хрипотцой от третьего дня на базарной площади. Народ снует мимо, задерживаясь, чтобы выменять на звонкие монетки лакомство из моей корзины.

Я всё никак не могу привыкнуть к этому холоду. У нас, на юге, снег - диковинка. Зимой редкие снежинки таяли, не долетев до земли, а воздух всегда пах солнцем. Здесь же небо низкое, свинцовое, а ветер словно наточенными ледяными иглами щиплет щёки до красноты.

Тётушка Джейн только хмыкает: «Это ещё погода хорошая, милочка. Подожди до настоящих морозов».

— Почем пирожок, красавица?

Передо мной возник детина с засученными до локтей рукавами, в фартуке, заляпанном бордовыми разводами. Хозяин мясной лавки напротив. Я его уже заметила - второй день косится в мою сторону. Видно, решил наконец подойти.

— Две звонкие монета, — резво говорю я.

— Дам три, если поцелуешь, — поигрывает он бровями.

— Мои поцелуи не продаются!

— Как же их заслужить?

Я, прищурившись, разглядываю его. Молод. Недурен собой. Грубоватый и напористый. Опять же, лавка наверняка приносит хороший доход. Завидный жених.

Нет, я не ищу принца. Не в моей ситуации рассчитывать на выгодное замужество. Особенно после того, как отец опозорил нашу семью, проигравшись в карты.

Мне нужно, чтобы в груди екнуло. Зацепило и не отпустило. И мне не важно, кем будет мой будущий избранник. Главное, чтобы любовь была. Уважение. Забота. Чтобы Криса принял как своего сына, если Лейстер его не признает.

А мне совсем не хочется возвращаться в тот неприступный и холодный дом и настаивать на встрече с ним. Я попыталась... а сейчас стою на перепутье. Довести дело до конца, как и просила сестра? Или взять Криса и сбежать отсюда подальше? Туда, где много солнца и обжигающий ветер.

— Ну так что, красавица? — Мясник протянул монетки. Я взяла их, но он ловко перехватил мою ладонь, сжав в своей большой, жёсткой руке, — приходи к закрытию лавки. Я тебя в таверну отведу. Выпьем по кружечке согревающего эля...

— Нет. Я не могу, — сердце отчего-то тревожно щелкает в груди. Хватка на своей ладони мне совсем не нравится. Как и запах пота и крови, исходящий от мясника.

— Мне больно, — цежу.

Он отпускает, а я тут же подаю ему пирожок. Сразу же откусывает половину.

— Ты подумай. Не отказывайся, — жуя, говорит мясник, — я тебя не обижу.

Уходит. Я провожаю взглядом его широкую спину и с тревогой думаю, что он от своего не отступится. Надо бы сме-

нить место торговли, но рынок невелик, чтобы в нём затеяться.

К полудню я распродаю все пирожки. Тетушка Джен наверняка уже испекла новую партию. Немного волнуюсь, как там Крис. Тетушка Джен сказала, что вчера он был молодцом. Ни разу не заплакал несмотря на то, что у него режутся зубки. И кушал хорошо.

Я возвращаюсь в дом к тетушке Джен. Та тут же ставит передо мной миску с похлебкой. Я ей отдаю пустую корзинку и деньги.

— Споро у тебя дело идет. О такой помощнице я только мечтать могла, — довольно улыбается тетушка Джен.

Я немного играю с Крисом, пока тетушка наполняет мою корзинку пирожками. Крис цепляет кулачками мои волосы и довольно восклицает.

— Ма!

На глаза тут же наворачиваются слезы. Это Ильма должна держать на руках своего сынишку. И ей он должен сказать свои первые слова.

— Как бы я хотела быть твоей мамой, — шепчу Крису и крепко прижимаю к себе.

— Давай своего красавчика, — говорит тетушка Джен, — продашь пирожки и молока купишь. А то у нас уже закончилось. Сварим Крису вкусную кашку...

Я передаю ребенка в руки тетушки Джен. На прощание целую его в пухлую щеку. Подхватываю корзину и возвра-

щаюсь на рынок. Корзина тяжелая, оттягивает руку.

Вечереет. Притоптываю ногами, чтобы не замерзнуть. Плотнее запахиваю на груди шерстяную шаль — подарок от тетушки Джен. На дне корзинки остался последний пирожок.

— Держите вора! — слышится возглас.

Мимо меня стрелой проносится парнишка лет десяти — худой, юркий, как воробей. За ним, ругаясь на всю площадь, несётся мужчина.

— Я тебе задам, негодник.

Я тихо смеюсь, прикрыв ладонью рот. И тут же слышу рядом глубокий, бархатный, искренний смех.

Взгляд падает на молодого мужчину, прислонившегося к стене лавки. Он опирается на костыль и хохочет так заразительно, что поневоле обращаешь на это внимание.

— Неужели вам его не жалко? — кричу я ему.

Он медленно поворачивает голову. Накинутый капюшон бросает тень на лицо, но я вижу насмешливую ухмылку.

— Кого? — спрашивает с иронией в голосе, — маленького вора или растяпу, что позволил себя обокрасть?

— У того растяпы явно не последний кошель с деньгами, а мальчик не от хорошей жизни ворует. И ему сильно достанется, если его поймают.

— Значит вам жаль воришку?

— Мне жаль, что у него не нашлось другого выхода, как воровать, — говорю я после короткой паузы. — Всегда мож-

но найти работу. Хоть какую-то.

Мы замолкаем.

Я разглядываю мужчину украдкой. Лица не видно из-под низко надвинутого на голову капюшона, лишь твердый подбородок и краешек губ. На подбородке маленькая ямочка едва заметная под короткой светлой щетиной. Я на мгновение залипаю, разглядывая ее, а потом спускаюсь глазами вниз. Куртка тонкая, явно не по погоде, будто с чужого плеча. Костыль неловко зажат подмышкой. Стоптаные ботинки.

Бедолага. Наверняка нуждается. С увечьем хорошую работу не сыщешь.

Смотрю на корзину. На последний пирожок.

— Хотите пирожок?

Он вздрагивает, будто не ожидал.

— Нет... спасибо, — отвечает тихо. — Мне нечем заплатить.

— Ничего не нужно, — пожимаю плечами. — Я угощаю.

Я подхожу к нему. Останавливаюсь и убираю полотенчиком, открывая румяный бок пирожка.

— С яблоками, угощайтесь, — получается громким шепотом.

Мужчина медлит. Потом все же берет пирожок. Подносит к лицу и вдыхает аромат.

— Мм... пахнет летом. Спасибо.

— Ешьте на здоровье.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Подождите. Позвольте мне расплатиться по-другому.
Я вопросительно приподнимаю брови.

— Я донесу корзину до дома. Вижу, вы устали, - предлагает мужчина.

Корзина и правда тянет вниз, пальцы ноют.

— Но как вы? Сможете?

Я выразительно смотрю на его костыль. Он сначала не понимает, а потом усмехается — коротко, почти весело.

— На этот счет не переживайте. Мне привычно. И будет приятно думать, что этот пирожок я получил не из милости, а заслужил честным трудом.

— Хорошо, — протягиваю ему корзину, — только прежде, идти далеко.

— Я выносливей чем кажусь, — усмехается он.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в новую классную историю нашего литмоба

"Помощница Его Светлости" от Лины Калины

<https://litnet.com/shrt/rYvW>

Нолан АикВаундер

Все началось как невинная шутка. Вспомнить проделки юности предложил Юстас. Мой друг и помощник по личным вопросам.

Я пересказал ему историю, услышанную от бабушки. Но как подступиться к этой девушке, а тем более — проверить малыша родовым артефактом, я не имел ни малейшего представления. Тем более делать это нужно было деликатно, не привлекая внимания и не вызывая лишних слухов.

— Нашел я твою незнакомку, — без церемоний начал Юстас, вваливаясь в мой кабинет и сбрасывая с плеч дорогой плащ.

— Подожди минутку, — остановил я его, не отрываясь от сводок по эгейским рудникам. Сделка сулила огромную выгоду, и каждая цифра требовала проверки.

Юстас уселся в кресло напротив, развалившись с видом человека, которому спешить некуда. Закинул ногу на ногу и подпер голову рукой.

— Так что ты узнал? — спросил через несколько минут, отрываясь от документов.

— Приехала на дилижансе несколько дней назад с ребенком на руках. Живет у одной горожанки. Она печет пирожки, а твоя незнакомка их продает. Не хочешь поближе взгля-

нуть на нее?

— У меня совсем нет на это времени, — я взглянул на кипу бумаг, требующих моего изучения.

— Да ладно ты, Нолан. Совсем закопался в своих бумажках. А помнишь, как мы чудили в юности. Переодевались в подмастерьев и разгуливали по значным местам города.

— Тогда еще был жив отец и делал вид, что занимается делами. А сейчас все иначе...

— Угу... ты стал важным и больше не можешь позволить себе заниматься глупостями. Да брось, Нолан. Мы весело проведем время. Заодно послушаешь про себя последние сплетни на городской площади.

Я колебался недолго. Пара часов в роли простого человека, до которого никому нет дела... Что может быть заманчивее?

К вечеру мы уже спускались в город, одетые в поношенные, грубые куртки и простые штаны. Ощущение было странным - будто надел костюм, сшитый не по мерке. Прохожие не бросали почтительных взглядов, не кланялись. Мы были просто двумя парнями в толпе.

Юстас, наслаждаясь моментом, купил у какого-то бродяги костыль и тут же принялся изображать калеку: прихрамывал, жалобно тянул руку, корчил страдальческое лицо.

Я покачал головой.

— Ты неисправим.

— Зато убедителен, — подмигнул он.

Мы остановились у лавки со специями. Юстас ткнул меня локтем.

— Смотри. Это она.

Я бросил взгляд на девушку. Высокая, стройная. Тёмные волосы, собранные в небрежный узел, выбивались непослушными прядями. На тонкий плащ была накинута пёстрая шерстяная шаль. Она куталась в неё и притоптывала, пытаюсь согреть ноги. Видно было, что устала и продрогла до костей.

— Южная кровь, — протянул Юстас. — Симпатичная. У меня есть план...

Он говорил, но я уже слушал вполуха.

Что-то в ней цепляло. Не красота — таких я видел сотни. А выражение глаз. Непосредственная улыбка на лице. Добродушие с каким она предлагала пирожки.

— Я познакомлюсь, вотрюсь в доверие, — продолжал Юстас. — Она покажет ребёнка, я проверю артефактом...

— Хочешь заморочить ей голову? — перебил я.

План был разумным. Юстас нравился женщинам. Но мысль о том, что он будет играть чувствами этой девушки, неприятно царапнула.

— Поверь, через три дня ты будешь знать, есть ли у тебя племянник.

А если она действительно была с Лейстером? Если он касался ее золотистой кожи. Проводил рукой по непослушным прядям. Пробовал вкус нежных губ... Я нахмурился соб-

ственным мыслям. Разве мне не все равно? С каких пор я стал западать на смазливое личико?

— Ладно. Только не вздумай обижать ее.

— Поверь, эта красотка будет сама искать моего общества.

Юстас вытащил из кармана кошелек с деньгами. Подброя его в руке. И вдруг он словно растаял в воздухе. Мимо нас юрко пробежал мальчишка, унося с собой богатство.

— Эй, стой! Вот же негодник.

— Оставь его? — попросил я.

— Не могу. В том кошельке кольцо, что я хотел подарить Менни. Лучше поддержи костыль, пока я догоняю мальчишку.

И вот я уже стоял, глупо сжимая в руке дурацкий костыль, а Юстас нёсся по площади с криками. Я не сдержал смеха, глядя на эту нелепую погоню.

— Неужели вам его не жалко? — раздался тонкий голос. Я повернул голову. Девушка смотрела прямо на меня и вопрос был адресован тоже мне.

Неужели пожалела растяпу Юстаса?

— Кого? — Уточняю. — Маленького вора или растяпу, что позволил себя обокрасть?

— У того растяпы явно не последний кошелек с деньгами, а мальчик не от хорошей жизни ворует. И ему сильно достанется, если его поймают.

— Значит вам жаль воришку? — допытываюсь

— Мне жаль, что у него не нашлось другого выхода, как воровать. Всегда можно найти работу. Хоть какую-то.

Я ловлю себя на мысли, что она права. Надо бы узнать, что это за мальчишка. Вдруг и правда нужна помощь его семье.

— Хотите пирожок? — вдруг предложила она и подошла ближе.

Теперь я мог разглядеть её как следует: румяные от холода щёки, вздёрнутый нос, россыпь веснушек. И аромат — свежести и сладких яблок.

— У меня... нет денег, — отказываюсь.

— Я угощаю. Берите. — девушка настойчиво предлагает мне пирожок. И я не нахожу слов, чтобы отказаться.

В голове тут же щелкает дурацкий план, придуманный Юстасом. Предлагаю донести корзинку до дома. Чуть не забываю про зажатый подмышкой костыль. Но отбросить его сейчас в сторону будет слишком подозрительно. Поэтому мне ничего не остается как продолжать играть.

Мы молча пошли по мостовой. Я нёс её корзину и ломал голову, как начать разговор.

— Меня Дорой зовут, — вдруг произнесла девушка, когда мы свернули в первый переулок, подальше от гама площади. — А вас?

Я замер на секунду.

— Нол, — выдавил я наконец, используя детское прозвище, которое уже лет десять не слышал.

— Что у вас с ногой? — в ее голосе промелькнули нотки

сочувствия.

— Старая травма, — произнес, втягиваясь в игру.

— Наверное трудно найти работу?

— Верно. С калекой связываться никто не хочет.

Мы шли дальше. Девушка молчала, задумчиво накручивая на палец темный локон. Наконец мы остановились у маленького домика в конце улицы.

— Спасибо, Нол, — девушка улыбнулась, забирая у меня корзинку. А я стоял как истукан и думал, что она сейчас уйдет и я не вижу повода ее удержать.

— Вот что я подумала, — вдруг произнесла Дора, — Тётушка Джейн как раз искала, кто бы помог починить ставни на кухне и подлатал забор.

Она посмотрела на костыль и тут же смутилась:

— Если, конечно, сможете...

Она смотрела на меня с доверчивым ожиданием. А я, Нолан АйкВаундер, владелец эгейских рудников и этого города, стоял перед ней с дурацким костылем в руке и думал только одно:

«Тьма побери. Я согласен».

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в романтическую новиночку нашего литмоба

"Письмо Из Прошлого или Однажды под Новый год..."

<https://litnet.com/shrt/Whky>

— Чего это ты такая радостная? — спрашивает меня тетушка Джен.

Я вернулась от молочника, прижимая к себе большой кувшин с молоком. Тетушка Джен передала мне Криса и тут же поставила варить для него кашу.

А я разве радостная? Хотя на губы приклеилась дурацкая улыбка и все мне сейчас кажется в радужном свете.

— Торговля прошла удачно. — Пожимаю плечами. — А еще... я тебе работника нашла, тетушка Джен.

— Вот как? — Джейн хмыкнула. — И где ж ты его успела отхватить?

— На рынке. Он помог мне корзину донести. Правда, хромот... — я замялась. — Но руки у него крепкие, и видно, что старательный.

— Главное — чтобы с руками, — кивнула тетушка и тут же прищурилась хитро. — Не из—за него ли у тебя глаза так светятся?

— Да что ты, — я смутилась. — Я его толком и не рассмотрела. Просто приятно, что человеку помогла. Он мне показался добрым и хорошим.

— Угу... — протянула Джейн. — С мужчинами, милая, ухо надо остро держать. Ты про отца этого малыша тоже, небось, так думала. И где он теперь?

Мир сразу потускнел и я прижала к себе Криса, сосредоточенного мусолившего сухарик. Я так тетушке Джен и не сказала, что Крис не мой сын. Как—то подходящего момента не было. А сейчас... поздно наверное. Да и стал мне настоящим сыном.

— Он скоро появится. Он порядочный человек. Вот увидите...

— Угу... — снова скептически.

И я, если честно, готова была ей поддакнуть. Верила ли я в любовь между Лейстером и Ильмой?

Рядом с постелью умирающей Ильмы – да. Но сейчас, взглянув вблизи на неприступный роскошный особняк на холме, меня все больше терзали сомнения. Представить рядом лощеного отпрыска драконьей крови и мою, пусть хорошенькую, но простую Ильму было невозможно.

Только в сказках принцы женятся на замарашках. А в жизни... пропадают, как только добьются своего.

Но вдруг Лейстер другой? Вдруг он действительно любил Ильму и просто не смог за ней вернуться? И Крис самый желанный для него ребенок.

Вдруг такое возможно?

Этот вопрос гнал меня на холм на следующее утро, пока в печи тётушки Джен румянились новые пирожки. Я выскользнула из дома. Идти было далеко, но мне повезло — подвезла телега, гружённая гогочущими в клетках гусями. Я уселась на подножку рядом с возницей, ветер бил в лицо, а

сердце бешено колотилось от страха и глупой надежды.

У чёрных, ажурных ворот я замерла. Вдохнула поглубже и стукнула молоточком. Калитка отворилась, и передо мной предстал тот же самый стражник с каменным лицом.

— Мне нужно увидеть лорда Лейстера...

Стражник едва посмотрел в мою сторону:

— Проваливай. Для таких, как ты, у господина нет времени.

Я сжала кулаки, но понимаю — спорить бесполезно. Но мне хотя бы нужно узнать — вернулся ли Лейстер в город.

— Тогда, может, Аделаиду позовёте? Она работает здесь...

— Никакой Аделаиды здесь нет. Никогда не было. Проваливай.

Я отошла, чувствуя, как глаза щиплет от слёз. Всё было напрасно.

Возвращалась я уже пешком, кутаясь в шаль от промозглого ветра. Дома меня ждала полная корзина пирожков и обеспокоенный взгляд тётушки Джен.

— Всё в порядке, — буркнула я, не в силах объяснить.

На площади я заняла своё обычное место. Но сегодня всё было иначе. Пирожки никак не хотели продаваться. Может быть тому виной было мое подавленное настроение. Но я очень старалась улыбаться.

— А я ждал тебя вчера, красотка, — возник передо мной вчерашний ухажер. Его красное лицо блестело от пота, а на

фартуке прибавилось бурых пятен, — Нехорошо обещать и не приходить.

— Я ничего не обещала.

— А мне почудилось. Ну, ничего... сегодня наверстаем. Я закрываюсь пораньше. Ты только попробуй отказаться...

— он протянул руку, чтобы ухватить меня за подбородок.

— Тогда что? — попыталась я увернуться от его руки.

— Силой заберу. Нечего от меня нос воротить...

Я отшатнулась. На миг к горлу подкатила паника. Кто я против этого здоровяка. Букашка. Голыми руками бери.

Мясник протянул руку... и тут между нами встал человек.

— Руку убрал, — спокойно сказал Нол.

Он опирался на костыль, но стоя так, что мясник вдруг стал ниже ростом.

— А ты кто такой? — зарычал тот.

— Никто, — усмехнулся Нол. — Просто человек, которому не нравится, когда женщин пугают.

Они секунду меряли друг друга взглядами. И мясник... отступил. Плюнул, что-то буркнул себе под нос и, отводя глаза, заковылял обратно к своей лавке.

Я выдохнула, дрожа всем телом. Нол повернулся ко мне. Его глаза, невероятно синие и глубокие, изучали моё лицо.

— С вами всё в порядке?

Я смогла только кивнуть в ответ.

Нолан помог мне распродать пирожки - шутил, зазывал, даже умудрился рассмешить пару хмурых торговков.

Когда последний пирожок был продан, он взвалил пустую корзину на плечо, будто она была перышком.

— Провожу. И... насчёт той работы у вашей тётушки. Я готов приступить. Если предложение ещё в силе.

Я шла рядом, украдкой глядя на его профиль. Высокие скулы, решительный подбородок, твёрдая линия губ... и эти невероятные синие глаза.

Мы подошли к дому. Я толкнула дверь.

— Заходите. Познакомлю с тётушкой Джейн и... покажу, что нужно починить.

Он переступил порог, и в этот момент из дома донёсся радостный, нечленораздельный возглас:

— Агу-гу-га!

Нол замер на месте, как вкопанный. Его взгляд упал на порог кухни, где тётушка Джейн выставила Криса в его корзинке-переноске, чтобы малыш мог наблюдать за всем вокруг.

Крис, увидев новое лицо, залился счастливым, беззубым смехом и потянул к нам пухлые ручонки.

Я быстро сбросила плащ и ботинки. Вынула Криса из корзинки, а тот, безобразник, сразу ухватил мой локон. Потянул на себя. Громко вскрикнул:

— Ма-ма...

— Я пришла. Ох, Крис... — я жалобно улыбнулась, чувствуя, как маленькие пальчики тянут за волосы.

— Какой чудесный малыш, — Нолан возник за моим плечом. Он протянул руку, и цепкие пальчики Криса тут же оставили мои волосы, ухватившись за его большой палец. Малыш замер, изучая новую, игрушку.

— Тетушка Джен... это Нол. Мастер на все руки.

Я запрокинула голову и подмигнула мужчине за моей спиной. Я же не преувеличила?

А тот внезапно смутился. Откашлялся в кулак.

— Сделаю все возможное... лэра.

— Да какая я лэра... — тетушка Джен махнула рукой, — ну пойдем со мной. Покажу, где инструменты лежат. Начнешь со ставен. А дальше посмотрим.

Крис недовольно пискнул, когда Нол осторожно высвободил свой палец.

— Я скоро вернусь, — пообещал он.

Нол вышел на улицу, вооружившись необходимыми инструментами. Мы же с тетушкой Джен взялись за приготов-

ление ужина. Крис задремал в корзине, положив под пухлую щечку ручки.

— Больно уж у него руки ухоженные для мастера, — вдруг брякнула тетушка Джен, до этого молча чистящая картошку.

— Что в этом такого? — пожалала я плечами.

— Подозрительно. И лицо...

— Что с лицом? Вполне приятное... — *«Даже слишком приятное»*, — мысленно добавила я, вспоминая его пронзительные синие глаза.

— Слишком благородное, словно он не простой парень с окраины, а какой—нибудь знатный лорд. Ты заметила, как он держит голову? Осанку? Словно шест проглотил. И где ты только его отхватила, Дора. Как бы не заморочил тебе голову. Но сначала посмотрю, какой из него работник. А то выгоню взащей.

Я поставила тушится рагу с беспокойством посматривая, как тетушка Джен находила повод «проветриться», чтобы проследить за работой Нола.

Как он там? Справляется? Я чувствовала ответственность за него. Все же сама пригласила. Никто меня за язык не тянул. Просто захотелось помочь. Наверное пожалела... и дело точно не в его красивых глазах.

Нол закончил работу аккуратно к тому времени, когда я сняла котелок с плиты. По кухне разлился сладковатый аромат тушеных овощей.

Нол с тетушкой Джен вошли в дом, и я сразу посмотрела в

их сторону. На сосредоточенное лицо мужчины. И на вполне довольную улыбку Джен.

— Вижу, руки у тебя на месте. Ты проходи. Поужинаешь с нами. И как договорились, пять монет сверху накинута.

Я разложила рагу по тарелкам. Нарезала хлеб. Джен достала из погреба чашку с квашеной капустой.

— Ты давай ешь. Не стесняйся. Один поди живешь. Или с женой?

Мы с тетушкой Джен уселись напротив Нола. Тот умудрялся вести вполне светскую беседу, уклоняясь от неудобных вопросов. Вспоминая слова тетушки Джен, посмотрела на его руки. Действительно – холеные. Длинные пальцы, аккуратные ногти. Такие не часто встретишь у работяги. Да и то, как держал ложку, как аккуратно неспеша ел, во всем чувствовались манеры и воспитание.

Права тетушка Джен. Нол совсем не прост.

— Нет. Не женат. Живу с бабушкой, — спокойно ответил он.

— Молодец, — похвалила Джен, — она, поди, у тебя уже в годах. Присмотр нужен.

Он чуть заметно улыбнулся.

— Она бы с вами поспорила.

Крис закричал, просыпаясь. Предупреждая его требовательный плач, тут же достала его из корзины.

— Это ваш сын? Как его зовут? – спросил Нол.

Я немного смутилась. Но не выкладывать же посторонне-

му человеку историю своей бедной сестры. И в тоже время мне не хочется, что бы считал меня легкомысленной. Когда узнает, что у Криса нет отца.

— Крис... Кристофер, — поправила я.

— Красивое имя, — все с той же легкой улыбкой на губах произнес Нол. Его синие глаза перебегали с личика Криса на мое. А я все ждала, когда он спросит про его отца...

Но вместо этого он сказал.

— Спасибо за ужин. Я вернусь через день, тетушка Джен. Подправлю забор, как и договаривались.

— Конечно. Конечно, — закивала тетушка Джен.

Я с Крисом на руках вышла проводить Нола. Тот зажал под мышку свой костыль. Замешкался, прежде чем выйти за порог.

— До встречи, Дора, — проговорил он.

— До встречи, Нол, — ответила, утопая в его синих глазах. И такое чувство, что между нами невидимая ниточка протянулась.

Тетушка Джен кашлянула в спину. Предупреждающе. И эта ниточка тут же оборвалась.

— Починит забор и хватит, — проворчала тетушка Джен, — не забивай им голову, милочка.

— Почему? — не удержалась я.

— Что с него взять? Хромой. Бедный. Одной красотой сыт не будешь. Тебе нужен такой, чтоб крепко на ногах стоял. Мастеровой или лавочник. Как ты собралась сына под-

нимать?

— У него есть отец, — буркнула. Тетушка Джен только фыркнула:

— Угу. Конечно.

Я крепче прижала к себе притихшего Криса и поцеловала его в светлую макушку.

— Мастеровой или лавочник... — тихо пробубнила, подражая тетушке Джен, — а мы найдем такого, что бы заботливый был. И надежный. А еще любил нас... обоих.

Крис тут же заулыбался, согласно потянув меня за локон.

Дорогие читатели!

**Приглашаю вас в чудесную историю нашего моба
"Огненная невеста ледяного лорда"**

<https://litnet.com/shrt/TAV6>

Нолан АикВаундер

— Пальцы расслабьте, милорд, а то мозоль набьёте, – наставлял Гарт, главный плотник усадьбы, наблюдая, как я забиваю очередной гвоздь в покосившуюся балку забора в каретном сарае. – И удар уверенней. Не тычок, а размах. Но не так, как мечом. Легче. Вы же не голову пытаетесь снести...

Я выдохнул, крепче сжал молоток и ударил снова. На этот раз гвоздь вошёл ровно и глубоко. Удовлетворённая улыбка тронула губы.

— Нолан!

Выдохнул сквозь зубы. Горничная полчаса назад доложила, что леди Аделаида удалилась в опочивальню вздремнуть. Я наивно надеялся на час покоя.

Ан нет.

Я медленно выпрямился. Бабушка стояла в дверном проёме, закутанная в тёплую шаль, но её поза была прямой и грозной, как у полководца перед битвой.

— Что это, позвольте спросить, ты делаешь? – её взгляд скользнул по моим штанам, по простой рубаше с закатанными рукавами. – Я надеялась застать тебя в кабинете.

— Как видишь, бабушка, чиню забор.

— Нолан!

Аделаида требовала, чтобы на людях я обращался к ней

по всем правилам.

— Леди Аделаида, позвольте я закончу, и мы поговорим.

Плотник бросил на меня сочувствующий взгляд. Мою бабушку в какой-то мере считали местным монстром за требовательный и жесткий характер. Но я-то знал, что в глубине души она мягкая и добрая. Огородилась броней, когда дед погиб на войне и ей в молодые годы пришлось принять на себя управление родовыми землями. Мой отец тогда был слишком мал, чтобы стать помощником в делах.

— Я жду тебя в кабинете. У нас дела! — произнесла бабушка.

Каблучки нетерпеливо зацокали по дощатому полу, когда она вышла из мастерской. Я поднялся. Вытер салфеткой руки. Осмотрел плоды своих трудов. Доски подогнаны ровно, гвозди вбиты аккуратно.

— Ничего, милорд, — сказал Гарт, подходя. — Вышло крепко. Для первого раза и вовсе отлично.

Я вошел в кабинет. Бабушка уже заняла свое место возле камина.

— Я чего-то не знаю? — начала она без предисловий.

Я приподнял бровь, опускаясь в кресло рядом.

— С чего ты так решила?

— Ты который день пропадаешь из дому. И вместо кабинета я застаю тебя в мастерской. Все это явно неспроста. Что с тобой происходит? Ты стал рассеян. Мне доложили, что ты проигнорировал письмо лорда Фрея о поставках угля для

северных рудников. Это не в твоих правилах.

— Бабушка, тебе не о чем волноваться.

Я сел в кресло и протянул ноги к огню. Так тепло. Уютно. А за окном разыгралась настоящая выюга.

Тут же подумал, как там Дора со своими пирожками. Она же в такую погоду не пойдет на рынок? Или пойдет?

Я чуть нахмурился. Нежной южаночке явно тяжело в нашем суровом климате. Мне вдруг страстно захотелось сорвать с неё этот ветхий плащик, укутать в мягчайшую шубку из снежной лисы, надеть на её замёрзшие ножки тёплые сапожки на меху.

Я представил, как рассыплется её тёмные, непослушные локоны на серебристом меху, как она покраснеет от тепла...

Она была бы ослепительна. Хотя... нет. Она и сейчас ослепительна. Без всей этой ненужной мишуры.

— Нолан! Ты меня слышишь?

Я вздрогнул, вынырнув из фантазии, где держал за руку смущённо улыбающуюся мне девушку.

— Прости, бабушка. Устал.

— Устал, — она повторила с нескрываемым скепсисом. — Как продвигается твоё расследование? Что ты узнал о той девушке и ребёнке?

— Она простая торговка пирожками. Мы с Юстасом прогулялись по торговой площади, и он мне показал ее. — Сказал как можно равнодушной.

— Вот пусть Юстас ей и займется. Он всегда умел втереться в доверие. К тому же его семья долго и преданно служит нам.

— Уверяю, он достаточно близок к этому, — слукавил я.

— Он видел ребенка? — спросила бабуля. И мне даже показалось, что в ее голосе что-то дрогнуло.

— Видел. — Я не смог солгать в этом. — И он... похож на Лейстера.

Это была чистая правда. У того малыша, Криса, были светлые, как лён, волосы и глаза глубокого, чистого синего оттенка, который был визитной карточкой нашей крови.

Пока что он был просто младенцем. Драконья сущность пробуждается позже, в отрочестве. Только родовой артефакт мог с уверенностью подсказать, есть ли в Крисе кровь АйкВандеров.

— Тогда дело за малым. Дай Юстасу артефакт. Пусть проверит. И чем быстрее, тем лучше. — Бабушка поправила складки платья. — Скоро зимний бал. Лейстер обязан присутствовать. И на этот раз к нам придет Жозефина. Я лично послала ей приглашение. Как будущей жене твоего брата.

На следующий день я переоделся в простую рабочую одежду. Взял костыль, от которого не знал, как без подозрений избавиться. Ящик с инструментами. На дне в тряпице лежал родовой артефакт. Небольшая, холодная пластина из чёрного вулканического стекла, в центре которой был вправлен прозрачный горный кристалл. Он оживал только от род-

ственной крови, вспыхивая тёплым алым светом.

Тетушка Джен уже ждала меня. Дору я так и не увидел. Наверное, уже на рынке. Продает пирожки. Так и лучше. Рядом с ней труднее сделать то, что я задумал.

Я усердно правил покосившийся забор, когда раздался голос тетушки Джен.

— Нол. Я приготовила тебе горячего чаю. Иди. Погрейся. Заодно присмотри за Крисом. Мне нужно срочно уйти.

Я облизнул пересохшие губы. Вот он. Подходящий момент.

Вошёл в дом, скинул куртку. В кухне вкусно пахло свежей выпечкой. На столе дымилась кружка чая. А в углу, в своей плетёной корзине, сидел Крис. Услышав шаги, он повернул голову, и его большие, синие-синие глаза уставились на меня.

— Ну, привет, воин, – прошептал я. Подошёл и склонился над ним.

Крис тут же протянул ко мне пухлые ручки, заливаясь беззубым, радостным лепетом. Я не устоял. Осторожно, боясь дышать, поднял его. Он тут же уткнулся носиком мне в шею, а маленькая ладонь вцепилась в прядь волос. Не больно. Похожайски. Будто так и надо.

В груди что-то сжалось, стало тесно и тепло.

Медленно, будто во сне, я опустился на стул, не отпуская малыша. Левой рукой я прижимал к себе это тёплое, доверчивое тельце, правой — достал из ящика холодный арте-

факт. Сжал в ладони пластину.

Всё, что оставалось — это крошечный укол. Добыть каплю крови. И выяснить правду, которую я, кажется, уже боялся узнать.

Дорогие читатели!

Приглашаю в романтическую историю нашего лит-моба

"Ненужная жена Владыки Севера"

<https://litnet.com/shrt/ORO->

Последние два дня погода совсем не баловала. Я дыхнула на свои окоченевшие руки. Тетушка Джен пообещала связать варежки. Мои тонкие перчатки совсем не спасали от холода.

Несмотря на холод пирожки расходились хорошо. Завтра большой базарный день и многие селяне прибывали загодя. Их можно было отличить по простой одежде. Овчинным тулупам и высоким меховым сапогам. Прохаживались чинно между рядов, присматриваясь. Но деньги пока тратить не спешили. Если только на мои пирожки, которые я настойчиво предлагала.

К полудню корзинка пустеет, и я возвращаюсь домой. Тут же думаю, что сейчас увижу Нола. Он обещал сегодня прийти чинить забор. И с какой-то грустью опять думаю, что увижу его в последний раз.

У меня нет повода его удержать. А у него нет повода остаться.

Какая из нас пара? Обхохочешься. Парень-калека без гроша в кармане и наивная девчонка с ребенком на руках.

Возле дома Нола нет, но я замечаю прислоненный к забору костыль. Значит в доме?

Забегаю на крылечко и тихо открываю дверь. Неслышно проскальзываю внутрь.

Первое, что увидела – широкую спину Нола. Он сидел на стуле, а поверх его плеча торчала взъерошенная макушка Криса.

Крис смеялся и что-то лепетал. Нол отвечал теплым низким голосом. Но тихо, я ничего не могла расслышать.

Картина была настолько умиротворяющей что я застыла на пороге, боясь дышать. Только вдруг, с такой ясностью, что перехватило дыхание, подумала:

«Из Нола вышел бы прекрасный... папа».

Боги! О чем я только думаю!

Я сделала шаг, и половица подозрительно скрипнула.

— Я вернулась!

Нол вздрогнул и резко выпрямился. Что-то маленькое и блестящее выскользнуло у него из руки, с глухим стуком упав на пол.

Я не успела разглядеть, что это — он ловко, почти не глядя, нагнулся, подхватил предмет и сунул в карман куртки. Всё движение заняло секунду. Когда Нол обернулся, то на лице играла широкая, немного смущённая улыбка.

— Тётушка Джейн попросила присмотреть за малышом. Ушла по срочному делу, – объяснил он. — Мы тут... прекрасно проводим время.

— Вижу, – пролепетала я, принимая из его рук потянувшегося ко мне Криса. Малыш недовольно нахмурился, уже привыкнув к новому другу. — Спасибо. Ты с ним замечательно управляешься.

— Он хороший собеседник, — усмехнулся Нол, вставая.
— Я пойду... доделаю забор.

Он вышел, прихрамывая. Я отвела глаза, чтобы не смотреть вслед. Наверное, ему будет неприятно, если я буду пялиться. Никто не любит показывать слабость.

Вскоре вернулась тетушка Джен.

— Все распродала? На сегодня хватит пирожков. Уж больно холодно. Мы с тобой лучше на завтра побольше сделаем. А я в лавку сбегала. Купила изюма и корицы. Яблоки то совсем закончились. Эх, держись милочка, завтра тебе нелегко будет. Но если все распродадим, можно тебе будут новые меховые ботиночки справить. В этих наверняка ноги мерзнут.

Тетушка Джен права. Мне приходилось постоянно ходить или подпрыгивать на месте, чтобы не замерзнуть. А болеть мне сейчас никак нельзя.

Нол доделал забор как раз к сумеркам. Тётушка Джейн, осмотрев его работу, одобрительно хмыкнула и позвала его ужинать.

Нол неспеша ел, поглядывая, как мы укладываем в две огромные корзины свежее испеченные булочки. В одну — с изюмом. В другую — с корицей.

— Надеюсь, завтрашняя ярмарка будет удачной, — тетушка Джен с предвкушением потерла ладони.

А я с тоской посмотрела на огромные корзины.

Что уж. Справлюсь. Главное до рынка донести. А там зай-

му прилавок и будет легче.

Зато скоро у меня появятся теплые ботиночки.

Да и Крису нужно гардероб обновить. Из своих старых рубашечек он уже вырос. Не идти же к АйкВаундерам деньги кланчить.

Я внутренне усмехаюсь от этой мысли. Но где-то внутри есть некий протест, что отпрыск рода АйкВаундеров живет как самый обыкновенный мальчишка. И что у меня нет средств достойно обеспечить его.

Но главное – моя любовь. Не так ли? Неизвестно, любили бы его в том холодном и неприступном доме.

Нол благодарит за ужин и встает. Тетушка Джен заботливо подает ему костыль. Сует в ладонь несколько монет.

— Спасибо за помощь. Может, когда еще свидимся...

— Да. Конечно.

Нол замирает. Прикусывает губу и смотрит прямо на меня своими невероятно синими глазами.

А у меня от этого взгляда все сладко замирает внутри. И хочется, чтобы нашел повод... остаться.

Тётушка Джейн показательно кашляет, намекая, что гостию пора.

Тот делает шаг к выходу. Сдергивает с вешалки куртку. Но на пороге все же оборачивается.

— Если не возражаете, я бы помог завтра Доре донести корзины.

— У нас нет на это лишних денег, — поджигает губы те-

тушка Джен.

Мы с Нолом переглядываемся. И мне так не хочется, чтобы он сдался. Чтобы просто ушел.

Но лишних денег и правда нет...

— Не нужно денег, — Нол опять улыбается своей обаятельной фирменной улыбкой, — достаточно будет пирожка.

Я мельком смотрю на Нола. Что греха таить, мне нравится это делать. И сердце глупое начинает сильнее биться в груди.

Хотя в голове все звучат напутствующие слова тетушки Джен:

— Милочка, он, конечно, красивый парень, но тебе не пара. Мужчину надо не сердцем выбирать, а головой.

Я все понимаю. Но душа рвется и радуется, глупая, от того, что он рядом. Что просто идет, помогая нести тяжелую корзину. Бросает на меня взгляд глубоких синих глаз, от которых так приятно кружится голова. И кажется, что это морозное утро не такое уж и холодное. И плащ вполне защищает от пронизывающего ветра.

Нол оставляет меня на ярмарке. Но прежде — ловко и быстро обустроивает всё: поправляет полог над прилавком, сметает снег, даже умудряется договориться с соседкой — колбасницей, чтобы та «присматривала за девчонкой».

Говорит с лёгкой, почти виноватой улыбкой.

— Мне нужно уйти...

— Конечно... — получается немного грустно, и тут же спохватываюсь, — возьми пирожок...

Мне больше нечем отплатить за помощь.

— Оставь для меня один. Самый лучший. Тебе же ещё предстоит нести корзины обратно.

Улыбаюсь в ответ. Наверное, слишком счастливой улыбкой. Ничего не могу с собой поделаться. Я слишком глупа и наивна, чтобы слушать разум.

Торговля идет бойко. Справа от меня полная женщина продаёт копчёные колбасы и сало. От её прилавка тянет таким запахом, что у меня самой урчит в животе.

Я улыбаюсь, благодарю, считаю монеты и ловлю себя на том, что то и дело поглядываю в сторону, откуда ушёл Нол.

К вечеру корзины пустеют.

— Хорошая у тебя торговля, — раздаётся рядом низкий голос.

Я вскидываю голову.

Мясник. Но сегодня на нем куртка подбитая мехом, темные штаны заправлены в высокие сапоги. Он словно один из тех гуляк, что бродят по ярмарке в поисках подходящих вещей.

— Спасибо, — вежливо отвечаю я и снова опускаю глаза к прилавку.

— Одна тут стоишь? — он прищуривается. — Темнеет. Я провожу тебя.

Я теряюсь. Его крепкая фигура возвышается надо мной, твердо стоя на ногах. И говорит вполне вежливо. Тетушке Джен он бы точно понравился.

— Нет... не нужно, — наконец говорю. — Спасибо.

Он явно не привык к отказам.

— Подумай, — усмехается, — я ведь не отстану. Понра-

вилась ты мне.

Вот только мое сердце молчит.

К счастью, в этот момент я вижу знакомую фигуру.

Нол.

Он подходит и берёт пустые корзины, словно это само собой разумеется.

— Пора домой, Дора, — говорит мягко.

Я с облегчением выдыхаю.

— Я помогу, — торопливо тянусь забрать одну из корзин.

— Тебе же неудобно...

— Всё в порядке, — он улыбается. — Правда.

Мы уходим. Я стараюсь не оглядываться. Представляю, какое у мясника вытянутое и злое лицо.

Мы проходим шумную центральную улицу и сворачиваем в знакомый, узкий переулок, ведущий к нашему дому. И вдруг из—за угла выходят трое. Впереди — мясник и с ним два приятеля. Такие же крепкие и здоровые, как и он сам.

— Эй, — раздаётся голос. — Ты серьёзно? Его выбрала?

Я останавливаюсь. Нол тоже.

— Предпочла жалкого калеку нормальному мужчине? — усмехается мясник.

Я чувствую, как внутри всё холодеет. Оглядываюсь. Позади ни души. Нам никто не придет на помощь.

— Оставьте нас, — кричу, выходя вперед.

— Оставлю твоего доходягу, если пойдешь со мной на свидание, — мясник улыбается так, словно дело уже реше-

ное.

— Не бойся, — тянет с гаденькой улыбочкой, — Я де-вушек не обижаю. Мы хорошо проведем время. Обещаю, крошка, тебе понравится.

Вот только я в этом совсем не уверена. Но что могу против него? А Нол... он точно не справится. Куда ему с тремя тягаться.

— Пропустите, — прошу.

— Дора никуда с тобой не пойдет. Уходите. — Заступает вперед Нол, загораживая меня. И лицо у мясника вмиг делается злое.

Один из его дружков, широкоплечий детина с перебитым носом, делает шаг вперёд, постукивая короткой дубинкой по ладони.

— А если не уйдём, калека? Что сделаешь?

Внутри всё сжалось. Ноги стали ватными. Не понимаю, что делать. Лучше согласиться. Как-нибудь переживу этот вечер. Видно, что эти трое от своего не отступят. А Нол... он здесь совершенно не при чем.

Нол же чуть повернул голову и тихо, почти беззвучно сказал:

— Дора. Иди.

— Но...

Он посмотрел на меня так. Прямо. Приказно. Сурово сдвинул брови.

— За стражей.

Я замерла на секунду. Сердце бешено колотилось в груди. Понимала, что это разумно. Но как оставить одного Нола с этими...

Нол шагнул вперед и я увидела, как один из дружков вытащил нож.

Этого хватило.

Я развернулась и побежала.

Холодный воздух обжигал легкие. Подол путался в ногах. Я не оборачивалась — боялась, что, если посмотрю, не смогу бежать дальше.

Только бы успеть. Только бы он продержался.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в увлекательную историю нашего литмоба

"Тайны Герэльвальда. Замороженное сердце короля"

<https://litnet.com/shrt/HyjV>

Двоих стражей в форменной одежде и с короткими дубинками под поясом я нахожу довольно быстро — на шумной улице, недалеко от ярмарки. Я буквально врезаюсь в них и тараторю, перекрывая им путь:

— Пожалуйста! Помогите! Он один, а их трое!

— Что ты там несёшь? — фыркает один, подкручивая длинный ус.

Я выдыхаю, стараясь взять себя в руки. Хотя внутри колотится от того, что медлю. И что Нол сейчас совсем один, беспомощный против этих здоровяков.

— Меня до дома провожал парень...

— Какой парень? — кажется, что стражам больше хочется поболтать чем выполнять свою работу.

— Жених, — выпаливаю, надеясь придать вес своим словам, — Моего жениха сейчас там избыют, а вы тут стоите! У одного нож, у другого — дубина! Если с ним что случится, я всем в городе расскажу, как городская стража воробьёв считала, пока людей резали!

Это подействовало.

— Ладно, ладно, веди, — буркнул усач. — Они вам угрожали? Что требовали?

Вопросы колют спину, когда эти стражи с явной неохотой плетутся за мной, отставая на шаг. Хотя, возможно, это я

лечу вперед.

Мы врываемся в переулок. Я готовлюсь увидеть худшее: избитого и окровавленного Нола, торжествующего мясника и его дружков...

Переулок был пуст. Никого нет. Только Нол стоит, опираясь спиной о стену. Вскидывает голову, откидывая с лица волосы, заслышав наши шаги. В глазах застыл опасный огонек. Но когда замечает нас, плечи расслабляются, он улыбается — открыто, будто ничего и не случилось.

— Нол! Ты цел? — я подбегаю, не в силах сдержаться, хватаю его за плечи. Под тонкой тканью куртки чувствовалось напряжённое, каменное тело.

— Всё в порядке, Дора. Успокойся.

— А где... те трое? — оглядываюсь я.

— Мы с ними договорились. Они оказались не такими уж плохими парнями. Сочли, что связываться с калекой — ниже их достоинства.

— Да-а? — тяну я скептически.

Мне так совсем не показалось.

— Помощь больше не требуется? — хмыкает стражник, явно разочарованный отсутствием зрелища. — Это и есть ваш жених?

Щёки вспыхивают.

— Да... всё в порядке, — бормочу я, бросая смущенный взгляд на Нола. А тот лишь шевельнул бровями в ответ.

Я убираю руки с его плеч и замираю. Ладонь была липкой.

Поднимаю руку — на пальцах, в тусклом свете, отчётливо виднеются тёмно-бордовые пятна. Кровь.

Открываю рот, чтобы крикнуть страже, показать им доказательства, заставить искать тех троих... Но в меня вливается предупреждающий взгляд Нола.

Он продолжает улыбаться как ни в чем не бывало и чуть заметно качает головой.

Глотаю слова. Превращаю их во что-то другое:

— Спасибо вам огромное! — вырывается у меня слишком громко и быстро. — Заходите на рынок! Я вас пирожками угощу!

— Вот тараторка, — усмехнулся усатый страж.

— А за пирожками мы зайдем, — согласился второй.

Я молча подбираю разбросанные по переулку корзины. Нол тут же забирает их у меня, одним движением взвалив на плечо. Мы пошли. Он молчит, а я не спешу расспрашивать. Надеюсь, что расскажет сам. Но он так не произносит ни слова.

— Тише вы тут, — встречает нас тётушка Джейн, зевая во весь рот. — Крис только заснул.

— Тётушка Джейн, нужна помощь, — тихо говорю я, указывая взглядом на Нола.

Я усаживаю Нола на стул ближе к горящему очагу. Помогаю снять куртку. Светлый рукав рубашки пропитан кровью.

Тетушка Джен даже не ахает. Приподнимает бровь, оценивая. Командует.

— Снимай рубашку. Посмотрим, что у тебя там.

— Ерунда, — отмахивается Нол.

— Снимай, — уже совсем по-матерински рычит она. —

У меня есть мазь и бинт. Не хватало мне покойника в доме.

А ты, милочка, чай поставь.

Я ставлю на плиту чайник. Ворошу угли и добавляю несколько щепок, чтобы быстрее разгорелось. Прямо в воду кидаю несколько душистых листочков мяты и сушеных ягод.

Между тем Нол стягивает рубашку, оголив плечо.

— Дора, посвети мне, — распоряжается тетушка Джен.

Я подношу лампу. Пытаюсь смотреть только на рану, но взгляд всё равно скользит ниже, выхватывая широкие плечи и линии мышц под кожей словно выточенные из камня.

Тётушка Джейн, не церемонясь, протирает кожу тряпичей. Командует:

— Мазь! А теперь бинт подай, милочка.

Я молча исполняю распоряжения.

— Спасибо, — Нол широко улыбается тетушке Джен и у той вся суровость сходит с лица.

— В следующий раз поаккуратней, герой, — говорит она, — а сейчас давайте чай пить.

Я расставляю кружки на столе. Наливаю варенье в вазочку. Кусочки колотого сахара на блюде. Тетушка Джен достает пирог. Нарезает на крупные куски. Нол разливает по кружкам чай.

Тепло накрывает с головой. И еще ощущение чего-то

нереального. Волшебного. Возможно дело в этом уютном чаепитии. Присутствии Нола рядом. Он так близко, что иногда сталкиваемся локтями. Его глубокий голос обволакивает. Он что-то рассказывает про свое детство. Про чай на костре, что он так любил пить, когда с мальчишками выбирался к горной реке удить рыбу. И у того чая был в точности такой вкус.

Тетушка Джен широко зевает и уходит, оставляя нас вдвоем. У меня тоже слипаются глаза. Нол что-то еще говорит, а я почти не слушаю. Мне сейчас достаточно и этого спокойного, убаюкивающего тона голоса, чтобы почувствовать умиротворение, безопасность. И капельку счастья.

Я кладу голову на сложенные на столе руки. Мир плывет и покачивается, словно на волнах.

И уже почти во сне чувствую сильные руки, подхватывающие меня.

— Нол... — шепчу едва слышно.

— Тш-ш, — его голос звучит прямо у уха. — Спи.

Дорогие читатели!

Еще одна увлекательная история литмоба ждет вас

<https://litnet.com/shrt/6Im->

Нолан АикВаундер

— Пару капель — и твоя красotka заснёт, как младенец,
— Юстас толкнул по столу маленький пузырьёк. Он ударился
о стопку бумаг и завертелся как волчок.

Я смотрю на него и не спешу брать в руки.

Мне эта идея совсем не нравится. Как не нравится все это
притворство в попытке завоевать доверие Доры и провести
тетушку Джен.

- Ты что такой кислый? Жаль расставаться с такой красо-
той? Так можешь и дальше играть... подаришь пару безде-
лушек, и она упадет в твои объятия.

— Прекрати. — Из горла вырвался рык.

Юстас вскинул на меня глаза. Хитро дернул уголками губ.

— О-о, так ты действительно влип. Неужели эта простая
южаночка разморозила сердце каменного Нолана Аикваун-
дера?

— Хватит болтать ерунду, — я отвернулся. — У меня
нет времени на подобные игры. К тому же в мальчишке яв-
но чувствуется кровь АикВаундеров. Если он действительно
сын Лейстера, я буду требовать, чтобы он признал его. Маль-
чик получит должное воспитание. А его мать...

Я замолчал, глядя на жёлтую жидкость внутри склянки.

— ...получит щедрую компенсацию и уедет начинать но-

вую жизнь. В другом месте. Подальше от всего этого.

Я стиснул пузырек в пальцах и сунул его в кармах.

Пора заканчивать этот фарс. Я слишком заигрался. Нужно признать, Дора мне действительно стала небезразлична.

Но я совсем не жаждал любви. Не хотел ее. Все эти возвышенные чувства, эмоции, от которых теряешь разум... это не для меня. Гораздо спокойнее здесь, в кабинете за письменным столом в окружении документов. Где все ясно и понятно. Разложено по пунктам и скреплено печатями.

К вечеру я переоделся и вернулся на ярмарку. Возле Доры вертелся громадный детина. Мясник, которому принадлежала лавка неподалеку. Мне не нравится сальный блеск его глаз. То, как смотрит на Дору, оценивающе... как на кусок аппетитной вырезки. Стало ясно, что не отстанет.

Едва сделали несколько шагов по переулку, как мясник возник перед нами с двумя приятелями за спиной. Дора нахохлилась как воробушек. Выскочила вперед, загораживая.

Приятно царапнуло в душе. Ее бесстрашие. Желание защитить того, кто, по ее мнению, слишком слаб. Еще, чего доброго, согласится на предложение мясника, чтобы не трогали беззащитного калеку.

Вот глупышка.

— Беги за стражей, — прошу.

Не нужно, чтобы видела. Это не для нежных девичьих глаз.

Едва Дора пропала из виду, иду вперед. Парни явно не

ожидают от калеки такой прыти. Сыпят бранью. А тот, что с ножиком, машет им больше для острастки.

Позволяю чиркнуть себя по предплечью - будет повод напроситься в гости к Доре и тетушке Джен. Парень, что держит нож, столбенеет от неожиданности, и тут же визжит от боли, когда моя рука выкручивает его ладонь. Нож падает в снег.

Кожа под моими пальцами краснеет и наливается волдырями. Парень орет, глядя на меня расширенными от ужаса глазами. Я резко отпускаю его запястье, и он падает на колени, баюкая обожженную руку.

Я делаю еще шаг вперед. Перевожу взгляд с ошарашенного лица мясника на его приятеля с дубиной. Тот пробует замахнуться. Скалю зубы. Юджин всегда говорил, что при желании у меня получается вполне зверский вид. А сейчас желание плещет через край.

— Т-ты... кто ты такой? — пятится мясник.

— Тебе лучше не знать, — низко произношу я.

Выхватываю дубинку у второго и швыряю в стену. От удара она разлетается на щепки.

— Эй... мы просто пошутили, — мясник делает шаг назад, нервно облизывает губы. — Мы уже уходим.

— И чтобы возле Доры я вас больше не видел, — рычу вслед улепетывающей троицы.

Я припал к стене. Внутри все кипело и клокотало от ярости. Нужно было успокоиться.

— Нол, ты как? — обеспокоенный голос Доры привел ме-

ня в чувство.

Её глаза так близко. В них плещется тревога. За её спиной стоят стражники. Они с интересом поглядывают в мою сторону.

— Это и есть твой жених? — спрашивает один из них.

— Да, — Дора робко смотрит на меня, словно боясь, что начну отпираться.

Я не возражаю. Широко улыбаюсь, чтобы стереть беспокойство с ее лица. Особенно, когда она замечает кровь. Останавливаю, когда Дора пытается позвать стражей. Меньше всего хочу привлекать к себе внимание. Здесь, рядом с Дорой, я всего лишь бедняк Нол. Без прошлого и без будущего.

Я закидываю корзины на плечо. Наши руки соприкасаются. Чувствую ее ледяные и трепещущие пальцы. На несколько секунд задерживаю их в своей ладони чтобы согреть. И Дора при этом смотрит так... с восторгом... словно я минимум Нолан Айкаундер.

И мне становится тошно от самого себя.

Возвращаемся в полном молчании. Дора не задает вопросов, и я рад, что не приходится лгать.

В доме тётушка Джен хлопочет вокруг меня, обрабатывает рану. При моей ускоренной регенерации от пореза к утру не останется и следа, но я принимаю ее заботу. Позволяю забинтовать плечо. Любуюсь личиком Доры, подсвеченным светом лампы.

Помогаю накрыть на стол и незаметно достаю склянку.

Добавляю две капли сонного средства.

Тетушка Джен вскоре начинает зевать и уходит, оставляя нас вдвоем. Дора борется до-последнего. Уютно укладывает голову на ладони и неотрывно смотрит на меня, пока я несую всякую чушь. Вспоминаю детство. У меня это легко получается, особенно когда замечаю интерес в ее глазах.

Дора засыпает и немного люблюсь на ее умиротворенное лицо. Длинные пушистые ресницы отбрасывают тени на щеки. Влажные губы слегка приоткрыты. Темные завитки волос рассыпались по плечам.

— Дора, — шепчу ее имя. Пытаюсь запечатлеть навсегда в себе этот образ. Как что-то теплое, простое и уютное как те булочки, что Дора продает.

Отношу её наверх. Она так доверчиво прижимается, положив головку на мою грудь. И так удобно держать её в объятьях...

Укладываю в постель, поправляю одеяло. Рядом, в корзинке, посапывает Крис.

Достаю родовой артефакт. Беру крошечную, тёплую ладонь Криса в свою. Острая грань камня легко прокалывает кожу на пальце. Малыш всхлипывает во сне.

— Прости, — шепчу.

Капелька крови растекается по поверхности камня. Я замираю, глядя на него. Секунда. Две.

Поверхность остаётся прозрачной.

«Крис не сын Лейстера, — мысль бьёт, как молот. — А

Дора — мошенница? Или её кто-то безжалостно обманул, назвавшись именем моего брата?»

Смотрю на Дору. Такая чистая. Светлая. Не верю, что она могла пойти на обман.

Теперь можно было уйти. Всё кончено. Нет причин оставаться. Миссия исполнена. Бабушка может выдохнуть: угрозы браку Лейстера нет. Жозефине не в чем его упрекнуть.

Оставляю кошелёк с деньгами на столе. Наклоняюсь, вглядываюсь в лицо Доры — хочу запомнить каждую черту. И попрощаться. Навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.